

томъ, что полчаса тому назадъ собрался было пойти къ своимъ паціентамъ, казавшимся издалека настоящими бѣлыми пятнами, особенно выдѣлявшимися изъ слегка озаренной луною мрачной массы каравана. Легкій стонъ одного изъ несчастныхъ прервалъ мои размышленія и направилъ мои мысли опять къ землѣ. Несчастный просилъ пить, а взявшіеся сидѣть около больного арабы, испугавшись крика худхуда и марафіла, бѣжали съ своего поста и столпились въ кучу вокругъ Абдъ-Аллы, какъ бы ища защиты подъ сѣнію сѣдовласаго шейха. Послѣ глотка теплой воды съ виномъ и перемѣны теплыхъ компрессовъ моему паціенту стало лучше, и онъ опять погрузился въ то полузабытѣе, изъ котораго легко перейти въ иной міръ, не просыпаясь, но изъ котораго вывести его едва ли было возможно при самыхъ даже утонченныхъ терапевтическихъ приѣмахъ. Безоружный, какъ врачъ, безсильный вполнѣ, я могъ быть только нѣмымъ свидѣтелемъ и пассивнымъ участникомъ сцены, разыгрывавшейся на моихъ глазахъ. Передо мною уже умеръ одинъ несчастный; двое другихъ умирали тою же ужасною, къ несчастью, медленною смертію. Страшно было смотрѣть на эти осунувшіяся, приостренныя черты лица, на эту характерную его синеву, на эти злобшіе круги подъ глазами, синія губы и потухшіе глаза, и ужасную худобу всѣхъ, какъ бы высыхающихъ членовъ, что такъ характерно для холеры — этой ужасной болѣзни, которая лишаетъ организмъ его дѣятельной подвижной силы — всѣхъ его соковъ. Страшно было смотрѣть, но еще страшнѣе было представить, что помочь уже ничѣмъ нельзя, когда смерть носится уже надъ нашими живыми мертвецами, рѣшетъ, быть можетъ, и надъ нашими головами, готовая выхватить облюбленную жертву... Въ эту чудную ночь, казалось, должна быть далеко всякая мысль о смерти, но условія были такъ исключительны, что мнѣ, по крайвей мѣрѣ, ни о чемъ другомъ и не думалось, какъ только о смерти и болѣзни. Грозный призракъ страшной эпидеміи носился, какъ живой, передъ моимъ воображеніемъ и подавлялъ всѣ другіе образы и представленія своею ужасною реальностью, которой прообразомъ мнѣ являлся изможденный трупъ, только что похищенной холерою, жертвы.

А ночь была по прежнему уповательно хороша, и воздухъ благоухающій такъ и трепеталъ въ лунномъ сіяніи, такъ и переливались его живительныя струи, наполняя грудь жизнью и радостью существованія... Зачѣмъ же эта ужасная встрѣча, думалось мнѣ, зачѣмъ смерть является тамъ, гдѣ все должно говорить о жизни?.. Зачѣмъ такіе ужасающіе контрасты?